
Ренат БЕККИН

ЛЕКАРСТВО ОТ ДИАБЕТА, или Два дня в Гаване Рассказ

Девушка с будильником

Гавана — поистине беспокойный, неуемный в радостном ощущении жизни город-праздник, вдохновляющий и одновременно утомляющий всякого, кто приезжает сюда. Кажется, что люди здесь танцуют всегда, даже во сне, а если не танцуют, то поют своими низкими чувственными голосами какую-нибудь невероятно ласковую песню — вроде «Гуантанамеры».

«Гуантанамеру» на Кубе слышно повсюду. Не проходит и двух дней, как ты сам начинаешь мурлыкать ее, сначала осторожно в душе, потом на пляже, а вслед за тем и на улице, подвывая местным музыкантам, коверкая при этом слова и громко выражая радость всеми частями своего нескладного тела.

Мое первое и единственное утро в Гаване также началось музыкально. Но это была не ставшая частью меня самого «Гуантанамера», а какой-то невыносимый перебродивший компот из отрывистых малопонятных слов и звуков. Наверное, под окнами дома, протискиваясь среди узких улиц района Старая Гавана, двигалась антикварная машина, чей скрипучий приемник был такой же ветхий, как и она сама. Семь утра! Я зевнул, потянулся и, обнаружив на столике рядом с кроватью недоеденное мною вечером яблоко, злорадно усмехнулся. Утром мысли приходят молниеносно: как добрые, так и злые. Стараясь не разбудить спавшую Юлю, я выскользнул на балкон.

— Вот сейчас я покажу тебе, с... сын, как будить хороших людей, — я был одержим желанием запустить огрызок в автомобиль или в голову водителя, если машина была открытой. Мне предстоял весь день на ногах, и я был расстроен, что утро началось раньше, чем я запланировал.

Но автомобиля внизу не оказалось. По совершенно пустой в столь ранний час улице шла девушка в белой рубашке, заправленной в синюю юбку до колен. На ногах ее, затянутых в белые гольфы, были стоптанные полуботинки. Так одеваются местные школьницы. В руках она держала какой-то розовый предмет, напоминавший по форме будильник. Но это был не будильник, а нечто другое, производившее тот самый грохот, который вынудил меня оставить постель.

Девушка шла и, эмоционально размахивая этим странным розовым предметом, производившим столько шума, громко подпевала неизвестному мне исполнителю.

Ренат Ирикович Беккин родился в 1979 году в Ленинграде. Окончил МГИМО (У) МИД РФ в 2000 году по специальности «юрист-международник». С 2003 года преподает в МГИМО (У) МИД РФ. В 2005 году вместе с Асламбеком Эжаевым создал литературную премию «Исламский прорыв». С 2007 года — главный редактор литературно-философского журнала «Четки». Доктор экономических наук. Живет в Казани.

НЕВА 1'2014

Я грустно посмотрел на двигавшуюся в такт музыке молодую вертлявую задницу, кривые загорелые ноги и, сам того не заметив, проглотил остатки яблока вместе с черенком. Ведь яблоки созданы не для того, чтобы бросать их в незнакомых девушек...

Черный гид

До того, как направиться своим ходом в Гавану, я заказал экскурсию в старинный город Тринидад. Юля отказалась ехать, не желая лишать себя удовольствия провести целый день на берегу, в море. Два дня мы не имели возможности купаться — сначала из-за шторма, потом из-за нашествия похожих на шапочки для душа медуз: синих, с розовым гребнем, романтично именуемых «бригантинами».

— Поезжай сам, — сказала Юля. — А в Гавану поедем вместе.

Признаться, я не сильно расстроился от этих слов. Я вообще люблю путешествовать в одиночку. Когда ты один, ничто не отрывает тебя от созерцания, никто не требует ежесекундно: «Сними меня с этим очаровательным негром! Сфоткай меня с тем мужиком на лошади! Ой, не очень хорошо получилось. Давай еще...» Никто не хнычет под ухом: «Смотри, какие магнетики, давай купим».

Разве что глупая болтовня гида может нарушить воцарившуюся в душе гармонию, порожденную приобщением к окружающей красоте, влекущей к себе своей новизной. Но мне повезло. Наш гид Умберто не был занудой и не сильно мне досаждал.

Это был невысокого роста чернокожий мужчина неопределенного возраста, в синих шортах и зеленой футболке. У него были умные и, как это часто бывает в подобных случаях, немного грустные глаза, с большими белками, с красноватым отливом. Смело и без особых трудностей изъяснявшийся по-русски, Умберто использовал любую возможность, чтобы сказать несколько нежных слов о своей стране. Обращаясь к пассажирам автобуса, он каждый раз добавлял в конце умиленно-теплое «ребята»:

— Куба — страна с великой историей, ребята. Здесь было столько великих событий, столько великих людей: Колумб, Хосе Марти, Че Гевара...

— Куба — страна с богатой природой, ребята. Здесь есть много интересных животных и птиц. И при этом здесь нет ни одной ядовитой змеи, как в других странах Латинской Америки...

— Куба — одна из самых развитых из развивающихся стран, ребята. Несмотря на санкции, она развивается. У нас добывается никель, у нас отличная медицина. У нас на Кубе есть лучшее в мире лекарство от диабета...

— Простите, Умберто, — услышав слово «диабет», я пробудился от своих размышлений. — Как называется это лекарство?

— Ивер проппе.

— Ивер проппе... Оно дорогое?

Умберто наморщил лоб и неторопливо, выговаривая каждое слово, ответил:

— Да, дорогое. Стоит около тысячи евро.

«И в самом деле дорогое», — подумал я.

Моя мама, больная диабетом, где-то вычитала о магическом лекарстве, которое имеется только на Кубе и которое якобы позволяет полностью излечиться от этого недуга. Как называлось лекарство, она не помнила. Я бы и сам забыл про него, если бы не Умберто с его ненавязчивой рекламой кубинской медицины.

За обедом в какой-то индейской деревушке, где под ногами у едящих разгуливали непуганые курицы и кошки, а чуть поодаль грелись сроднившиеся друг с другом свиньи и собаки, Умберто подсел ко мне за столик.

— Это вы спрашивали про лекарство?

— Да, я.
— Вы для себя его ищете?
— Для мамы.
— Дело в том, что найти его невозможно. Оно выдается только по рецептам. Только тем, кто лежит в кубинской больнице.

— То есть в аптеке его не купить?
— Да, не купить. Но, — Умберто сделал паузу, — я могу достать его для вас, если вы хотите. Не ивер проппе, конечно. Его нельзя продать, это преступление. Но это будет аналогичное лекарство. Сделанное из тех же компонентов, что ивер проппе. Мои друзья-фармацевты делают его. И стоит оно не тысячу евро, как оригинальное лекарство, а всего четыреста.

Я задумался.

— Не сомневайтесь, — засмеялся Умберто. — Положительный эффект, как говорят врачи, гарантирован. Я бы не стал предлагать вам, если бы вы мне не понравились. Говорю вам как другу. Я сделаю вам скидку. Я возьму с вас всего триста евро. Сто евро — моя доля в сделке, я отказываюсь от нее ради вас. вы видите, я вам честно все говорю.

— А оно правда помогает вылечиться от диабета?

— Да, это единственное в мире лекарство, которое лечит диабет. Я говорил вам на экскурсии утром, что кубинская медицина — лучшая в мире.

— Насчет кубинской медицины я не сомневаюсь, — улыбнулся я. — Я имею в виду ваших друзей-фармацевтов.

— Это блестящие специалисты. Они делают лекарство из того же сырья, что и ивер проппе. Только неофициально, — последние слова Умберто произнес шепотом, оглядываясь, а затем, повысив тон, полушутливо продолжал: — И зачем я только вас уговариваю, Боже мой. Я ведь ничего от этой сделки не получаю. Поймите!

— Ну что ж, — сказал я. — Когда вы сможете принести лекарство?

— Послезавтра. Я найду вас в отеле.

— Вот и отлично! Я как раз вернусь из Гаваны, — сказал я.

Вечером я отложил триста евро в специальный отдел бумажника — так называемый «загашник». Деньги немалые, но ничего страшного, будем экономить на сувенирах и прочих необязательных радостях...

Растоптанный Че

На Кубе не оставляет ощущение, что Че Гевара присутствует везде. Я видел его бородатую физиономию со знаменитой фотографии Корды на полотенце, вывешенном на балконе в доме напротив, на чашке, из которой мы пили кофе ранним утром в апартаментах в самом центре Старой Гаваны. Портрет Че висел над нашими головами в кухне, где мы пили этот кофе. Когда я выходил на улицу, Че Гевара смотрел на меня мозаичным панно на стене дома, с магнитов, беретов и футболок на столах с сувенирами, когда я подходил к стенду с книгами, у меня возникало подозрение, что, кроме книг об этом революционере, на Кубе другой литературы просто нет.

— Купите Че, — обратился ко мне по-русски один продавец в сувенирной лавке.

— А не найдется у вас что-нибудь с Фиделем?

— С Фиделем ничего нет. Он же живой, — нисколько не смутившись, отвечал продавец.

— Ну, тогда дайте мне что-нибудь с Хемингуэем. Он же умер, если мне не изменяет память.

Продавец задумался:

— А почему вы не хотите Че? Вы не любите Че? — вдруг спросил он, настороженно заглядывая мне в глаза.

— Люблю. Но его здесь слишком много. Слишком! Все ходят в футболках с Че, каждый второй. Глупо.

— Ах, в этом проблема, — оживился продавец, — тогда я сейчас покажу вам сувенир, которого ни у кого нет. Оригинальный!

Он куда-то исчез и вскоре воротился, ликуя, держа в руках кожаные «сланцы». Я не верил своим глазам. На тапках был выведен все тот же образ Че с фотографии Корды! О чем думал тот, кто смастерил эти тапки? И что должен чувствовать турист, топчущий физиономию национального героя Кубы?

Наверное, лучшего сувенира для империалистов и капиталистов всех мастей сложнее придумать: возможность безжалостно топтать своими холеными пятками физиономию Че двадцать четыре часа в сутки. И всего за пятнадцать. Нет, за десять песо!

Любая либерализация и экономическая блокада не смогли нанести социализму столько морального вреда, сколько коммерциализация образа Че. По мне, так лучше бы продавали Фиделя. Это бы в большей степени соответствовало коммунистической идеологии. Культ личности плюс прибыль. А спекуляция на образе давно умершего героя — это капитализм чистой воды. Настоящие коммунисты не продают свои героев. Тем более — мертвых.

Голый Дон Кихот

Че Гевару нередко сравнивали с Дон Кихотом, боровшимся с ветряными мельницами империализма и прочими гадостями, мешавшими спокойно спать хорошим людям. Сравнение это представляется мне куда более удачным, чем уподобление команданте Че Христу.

Как и Че Гевара, Дон Кихот был и остался до самой своей смерти одиночкой. Его ближайший помощник Санчо Панса ни грамма не понимал в его идеях и воспринимал своего господина как законченного чудака, с которым лучше не спорить. С Че случилась похожая история. Многие восхищались им как мужчиной, человеком, но мало кто искренне и до конца разделял исповедуемые им идеалы. А без них Че Гевара — не более чем симпатичная бородатая мордаха на футболке.

Есть еще одно важное обстоятельство, сближающее Че с рыцарем Печального Образа. Хитроумный идальго нес людям счастье, в его собственном понимании, конечно. Его не сильно интересовало мнение тех, кого он так страстно хотел осчастливить. Че Гевара в этом смысле — стопроцентный Дон Кихот.

Мало кто в наши дни разделяет идеалы рыцарства, но Дон Кихот стал одним из самых тиражируемых сувениров в Испании. И не только в ней.

Во второй половине прошлого века в мире появилось немало памятников Дон Кихоту, авторы которых пытались воспроизвести — как правило, в металле — известный рисунок Пикассо. Для этих целей идеально подходили проволока или просто разные железяки, прилаженные друг к другу должным образом.

Гаванский Дон Кихот из этой же серии. Дон Кихот восседает на тщедушной лошаденке, которая под стать своему хозяину. Несмотря на свой убогий вид, Росинант встал на дыбы. Еще мгновение, и престарелый рыцарь полетит на землю вместе со своей то ли рапирой, то саблей, которой он замахнулся на невидимого врага.

Не сразу бросается в глаза то, что Дон Кихот совершенно голый. Обнаружив это, с удивлением отмечаешь, что у рыцаря нет даже намека на половые органы. Наверное, на Кубе не читали нашего Пелевина, справедливо заметившего, что добро должно быть не только с кулаками, но и с большим...

В Гаване вообще любят ставить памятники обнаженным людям. Не иначе, причиной тому жара. Даже святой Франциск, встречающий посетителей у стен монастыря своего имени, не избежал этой участи. Самого святого раздевать не стали, но подле него установили голого мальчика с фиговым листом на причинном месте.

Если пойти дальше, до площади Въеха, можно увидеть обнаженную лысую женщину верхом на петухе. Груды у нее натерты до блеска. Наверное, с этим связана какая-то примета, которую выдумали студенты: потрешь правую грудь — получишь пятерку на экзамене, потрешь левую — гарантирован зачет автоматом. Если же мечтаешь о дипломе с отличием — придется всерьез взяться за обе молочные железы незнакомки...

Некрополь Колумба

Мы заглянули в некрополь Колумба с намерением скоротать пару часов. Недалеко находился автовокзал с автобусами до Варадеро.

Если вообразить Гавану в виде гигантского человеческого тела, то некрополь Колумба — это белозубая улыбка на черном лице города. Внушительные семейные склепы, над которыми возвышаются фигуры смиренных ангелов, тишина — все, что необходимо иметь старому католическому кладбищу. Одного не хватает этому городу мертвых — это тенистой прохлады. Прогуливаясь по некрополю Колумба, чувствуешь себя черной фасолью на белой сковородке.

Как и полагается, на каждом кладбище есть свои знаменитости. Самой известной обитательницей некрополя является Амелия Гойри, или просто Чудотворная Амелия. Эта ничем не примечательная женщина умерла в возрасте двадцати трех лет при родах, вместе с ней умер и ее новорожденный сын. Их похоронили на кладбище Колумба. Младенца — в отдельном гробу, помещенном у ног матери.

Прошло более десяти лет. Семейный склеп вскрыли, чтобы опустить туда тело свекра Амелии. Муж покойной, который так и не сумел за эти годы забыть свою молодую жену, потребовал открыть крышку гроба Амелии, чтобы снова взглянуть на любимую. В каком состоянии он нашел супругу, легенда не говорит. Но это и не важно. Когда крышку гроба сняли, все взоры были устремлены на младенца, который мирно покоился на груди матери, вместо того чтобы лежать, как положено, в своем маленьком гробике в ее ногах.

Неудивительно, что вскоре могила эта стала объектом поклонения. Здесь всегда много цветов и подношений от женщин, просящих заступничества у Чудотворной Амелии для своих страдающих разными недугами детей. За прошедшие с момента явления чуда был разработан целый ритуал посещения этой могилы. Необходимо три раза постучать медным кольцом, приделанным к мраморной плите об эту самую плиту. Затем прикоснуться (чистыми, разумеется!) руками к статуям самой Амелии и ее малыша. И, наконец, самое главное: уходя, ни в коем случае нельзя поворачиваться к сеньоре Гойри спиной! Иначе Чудотворная Амелия будет недовольна, и просьба останется без удовлетворения.

Но поскольку я пока еще не испытал радость отцовства, куда больше меня тронула другая кладбищенская история — про несчастного пса сеньоры Джанет Райдер по кличке Ринти. После смерти своей хозяйки Ринти переселился на кладбище. Такое иногда случается с собаками. Охрана, завидев животное, всякий раз выбрасывала его за ограду, но каждое утро они находили пса на прежнем месте — у могилы хозяйки. Потеряв всякую надежду, кладбищенские сторожа стали приносить Ринти еду и питье. Но тот не прикоснулся к предложенному и вскоре последовал за своей хозяйкой в мир иной. Преданность собаки была вознаграждена. На надгроб-

бии сеньоры Райдер вскоре появился памятник ее преданному четвероногому другу. Под псом помещена довольно двусмысленная надпись, которую можно понять как высказывание самого пса: «Преданность даже после смерти. Ринти».

Мраморного пса Ринти с чистой совестью можно назвать памятником человеческой глупости. Как только не изгаляются люди, чтобы потешить свое самолюбие. Они выдумывают многочисленные собачьи конкурсы красоты, собачьи олимпиады, собачьи интеллектуальные шоу, награждая победителей медалями. Бедная собака, на чью шею навешивают медаль, недоуменно глядит на своего хозяина, как бы вопрошая: «К чему все это? Дай мне мою любимую сахарную кость, потрепи меня за ушком да дай побегать во дворе. А твоя медаль... от нее как-то холодно в груди».

Отдавая Богу душу, бедный пес Ринти, наверное, грезил о том, что его после всех мытарств навсегда положат к хозяйке. Но вместо этого его иссохшее от голода тело закопали где-то на задворках кладбища, а на могиле сеньоры Райдер установили памятник.

Старожилы утверждают, что каменный пес совсем не похож на настоящего Ринти...

Чайна-таун на кладбище

К некрополю Колумба примыкает другое кладбище — китайское. Мне потребовалось немало усилий, чтобы уговорить Юлю заглянуть сюда.

— Достаточно мертвецов на сегодня, — говорила она, но я был настойчив.

Когда-то китайская община Гаваны была известна не только на Кубе. Китайцы стали активно приезжать на остров, начиная с 1847 года. Местные сахарные плантации нуждались в рабочих руках. За восемь лет, с 1847-го по 1854 год, на Кубу прибыло около 120 000 китайских неквалифицированных рабочих — кули. Все они были в основном выходцами из южных районов Китая. Тогда же в кубинской столице возник Чайна-таун, или, как его именуют здесь, Barrio Chino de La Habana.

Все прибывшие были мужчинами в самом расцвете сил. Неудивительно, что вскоре они озаботились поиском подруг. Возникло большое число смешанных браков, в основном с чернокожими жительницами острова. Некоторые из них были рабынями, и китайские рабочие, накопив деньжишек, выкупали приглянувшуюся им женщину для создания семьи.

В результате к 1980-м годам «чистых» китайцев в стране осталось не более трех сотен — остальные были потомками от браков китайцев с чернокожими, мулатками и реже — с белыми сеньорами. Большинство метисов продолжало считать себя китайцами, даже если их кожа была цвета кофе с молоком, а нос расплюснутым, словно по нему ударили кокосовым орехом. Говорили они на интересном языке, представлявшем собой смесь кантонского диалекта китайского языка с испанским.

Такие метисы составляют большинство обитателей китайского некрополя в районе Ведадо. В отличие от некрополя Колумба, здесь на многих могилах есть фотографии. По ним можно изучать антропологию. Обладатели испанских имен, они сохранили свои исконные китайские фамилии.

В специальной комнате под сводами в специальных то ли гробах, то ли ящиках лежат тела. Они ждут своего часа, чтобы быть погребенными на кладбище. Почему их не хоронят сразу, темнокожий с раскосыми глазами сторож кладбища нам пояснить не смог.

Что тут скажешь: знаменитое китайское терпение проявляется и после смерти. Умер, будь добр: подожди! Тебя положат в землю не сразу, придется перекапываться наверху, иначе не почувствуешь всего кайфа от смерти...

«Комариный бог»

Мы чуть не опоздали на автобус. Нужно ли говорить, что я был бы рад такому исходу, а вот Юля — едва ли. Прогулка по некрополю Колумба утомила и испугала ее. Посещение китайского кладбища окончательно испортило ей настроение.

Наш автобус «Viazul» вырлил на набережную Малекон и продолжил движение в сторону Старой Гаваны, чтобы затем, сделав круг под мостом, покинуть город.

Накануне перед сном мы гуляли по набережной, провожая солнце вспышками фотокамер. В эти часы сюда стекаются люди, чтобы, вдыхая запах уходящего дня, предаться романтическому настрою.

Внизу у берега мальчишки ныряют в естественный бассейн, образовавшийся между стеной набережной и морем. Они выделяют в воздухе разные невероятные фигуры. Первобытно, заглушая шум воды, орут от восторга.

Набережная Малекон в Гаване — это как Невская перспектива в Петербурге. Люди приходят сюда посмотреть на других и показать себя. Здесь есть на что поглазеть. Разглядывая прохожих, убеждаешься в справедливости некоторых стереотипов. Не зря Кубу, и в особенности Гавану, называют раем для пожилых мужчин.

Вот идет крепкозадая мулатка в цветастом платье с пожилым джентльменом, одетым во все белое. В России злобные старушки, доживающие остаток жизни у парадной, наверняка окрестили бы ее шлюхой, но здесь она — всего лишь девушка, у которой есть взрослый приятель. Возможно, кроме этого престарелого иноземца, бодро выгибающего спину под взглядами любопытных зевак, у нее есть и кубинский друг — ее ровесник. Но никто не смеет осуждать ее. Каждый живет, как может.

А пожилой джентльмен, он тоже счастлив, но по-своему. Он уцепился за подол уходящей молодости и успел вдохнуть полной грудью ее легкое дыхание. Возможно, они познакомились здесь на набережной всего пару часов назад. На Малеконе найти подругу легче всего. Если у тебя есть немного денег и все в порядке с головой, тебе только остается, что выбирать из прибывших сюда со всей Гаваны красавиц.

Если же туристу не хочется ловить на свою пятую точку приключений, то беззастенчивому глаzeniu на аппетитных мулаток есть мощная альтернатива — ловля рыбы. Я давно заметил, что среди заядлых рыбаков редко встречаются бабники. По-видимому, это несуетливое занятие и в самом деле меняет отношение к жизни. Либо ты любишь рыбу, либо — женщин...

Вдали обозначился какой-то всадник на постаменте.

— Пошли туда, там совсем нет народу, а то надоели эти проститутки со стариками, — сказал Юля.

— Ты что-то имеешь против проституток или стариков? — спросил я, язвительно улыбаясь. Но идея побыть в уединении на набережной мне понравилась.

Когда мы оказались напротив памятника, мы поняли, почему здесь немногочисленно. Нас атаковали неизвестно откуда объявившиеся тучи москитов. Мы не успевали отбиваться от них и изрядно отлупили сами себя и друг друга по лицу и другим открытым частям тела. Если бы не вовремя подвернувшийся «коко-такси», мы бы еще пару дней ходили с опухшими физиономиями. Нам так и не удалось понять, кому установлен этот памятник. Про себя мы прозвали незнакомого всадника «комариным богом».

«Ромео и Джульетта»

В Варадеро мы возвратились поздно вечером. На ужин, к счастью, успели. Только на следующий день я вспомнил, что Умберто собирался привезти лекарство от диабета. Вот и верь после этого людям...

— Забыл, наверное. Не переживай, — успокаивала меня Юля.

Времени на переживания у нас и в самом деле не было. Это был последний наш день на Кубе. И мы провели его весело, не думая ни о чем, кроме моря и солнца.

На следующее утро мы сбежали вниз за пять минут до назначенного времени отправления автобуса в аэропорт. Я бросился на ресепшн сдавать ключ, Юля — к водителю.

— Ренат! — услышал я за спиной.

Я обернулся. Это был Умберто.

— Здравствуйте, Умберто.

— Добрый день. Я привез вам то, что обещал.

— Что же вы... Вот наш автобус стоит. Он сейчас уедет!

— Не волнуйтесь, он не уедет без вас, — улыбнулся Умберто. — Водитель — мой друг, я попросил его подождать.

— Хорошо, — сказал я, с недоверием поглядывая в сторону автобуса.

Умберто протянул мне большой синий пакет, который все это время держал в руках.

— Здесь лекарство. Как и договаривались, я с вас беру не четыреста, а триста евро. Правильно?

Я молча взял пакет. В этот момент раздался сигнал автобуса. В дверях отеля показались Юля и принялась жестикулировать руками.

— Умберто, мне надо идти, — я достал бумажник и, отсчитав триста евро, вложил их в протянутую то ли за деньгами, то ли для рукопожатия цепкую ладонь Умберто...

— Я надеялась, что он все-таки не приедет. Не верю я всяким шарлатанам, — сказала Юля, когда мы уселись в самом конце автобуса. — Ну, покажи, что он принес.

В синем пакете оказалась деревянная коробочка для сигар «Ромео и Джульетта».

Лицо Юли вытянулось от удивления.

— Этот шарлатан втюрил тебе сигары вместо лекарства? Я как чувствовала, что ничем хорошим эта история не закончится!

— Сигары?! Надеюсь, что это не сигары, — бросил я, волнительно отрывая куски скотча, скрывавшие коробку.

Внутри находились какие-то мохнатые овальные предметы коричневого цвета, разложенные в пустые формочки из-под конфет. Мы переглянулись.

— Смахивает на лосиное дерьмо.

— Перестань! Откуда на Кубе лоси? — сказала Юля.

— Допустим, — неохотно согласился я. — Но я готов поспорить на что угодно, что мама не будет есть эти... даже не знаю, как их назвать. Даже если они десять раз могут вылечить ее от диабета.

— Ну, если диабет оно не лечит, то как слабительное его уж точно можно использовать, — смеясь, отвечала Юля.

Сан Саныч

Как я и ожидал, мама не очень обрадовалась лекарству.

— Что это? — с отвращением спросила она.

— Это лекарство от диабета, которое ты просила привезти.

— Странно. Напоминает лосиные кашки. Ты где его взял?

Я рассказал историю с Умберто — с начала до конца.

— Нет, я не буду это есть.

— Почему?

— Ты хочешь отравить меня? Давай я отдам тебе триста евро, только не приставай ко мне со своим лекарством. Тебя просто обманули.

Спорить с ней было бесполезно. Я и без нее понимал, что стал жертвой обмана. Но выбрасывать лекарство не хотелось. Слишком дорого оно мне досталось.

— Что же мне делать?

— Отдай свое лекарство своему Сан Санычу. Может, ему поможет.

Мой начальник Александр Александрович Купов, которого за глаза все звали Сан Санычем, страдал диабетом первой степени. Именно страдал — другого не скажешь! Если мама моя спокойно относилась к своей болезни, то он просто места не находил себе и искал любые способы выкорчевать свой недуг. Чего он только не перепробовал: пил мочу по методу Малахова, сначала свою, потом детскую — собственного внука, ел конские каштаны, ходил по углям, регулярно чистил себе кровь. Но ничего не помогало. Каждый раз, открывая для себя новое лекарство, он немедленно сообщал об этом мне. «Обязательно расскажите маме, — говорил Сан Саныч. — Мы, диабетики, как одна семья, должны помогать друг другу». Мама в ответ передавала ему привет, но советам брата по несчастью не следовала.

В любой другой ситуации я бы, конечно, ни за что не отдал бы Сан Санычу лекарство, которое обошлось мне в триста евро. Но положение, как говорят французы, обязывало. Презентуя лекарство своему начальнику, я убивал сразу двух зайцев: проявлял лояльность и сплавлял то, что мне было не нужно. Не пропадать же добру!

Главное, чтобы он не помер. Закрыв глаза, я вообразил, как меня арестовывают по обвинению в умышленном убийстве Сан Саныча. Как сотрудники нашего института в один голос утверждают, что мы с ним были на ножах и я испытывал к нему острую неприязнь. Меня сажают. Сажу от звонка до звонка. Оказавшись на свободе, первым делом покупаю билет на Кубу, нахожу постаревшего Умберто и жестоко убиваю его, бормочущего старческими губами: «Не надо, ребята...»

Нарисовав все это в своем воображении, я засмеялся. Что за бред я сейчас напридумывал! Умберто, конечно, жулик, но точно не убийца. Он просто положил туда какое-то дерьмо. Самое настоящее дерьмо, и все. Вот пусть Сан Саныч и попробует его на вкус. Ему полезно. После мочи Малахова это не так страшно.

— Александр Александрович, — сказал я, проходя в кабинет начальника. — Я тут на Кубе в отпуске был. Привез вам лекарство одно. От диабета.

— От диабета! Очень интересно, — глаза его забегали.

Я вытащил из-за спины упаковку из-под зефира, перевязанную розовой лентой. Сигарную коробку «Ромео и Джульетта» я решил оставить себе.

— Ой, какие смешные таблетки, чем-то напоминают финики, запретный плод для нас, диабетиков, — с умилением произнес Сан Саныч, рассматривая преподнесенное «лекарство». Потом он вдруг стал серьезным. — А они не опасны?

— Александр Александрович, вы меня обижаете. Моя мама тоже начала пить эти пилюли. Неужели вы думаете, что я решил отравить и свою маму?

— Извините, извините, ради Бога. Скажите, сколько я вам за них должен?

Я замялся. Готового ответа у меня не было.

— Не буду врать, лекарство дорогое. Я заплатил за него шестьсот евро. Но денег с вас я не возьму, это подарок.

— Но...

— Никаких «но»! Я очень хорошо к вам отношусь... Надеюсь, вы ко мне тоже, — вторую часть фразы я произнес не вполне уверенно. — Так что, если хотите меня отблагодарить, выпишите мне премию на эту сумму.

— Конечно, прямо сегодня выпишу, — смущенно пробормотал Сан Саныч. Его тронула моя «бескорыстность».

— А как их употреблять? — спросил он, совладав с эмоциями.

Вопрос этот поставил меня в тупик. Получив на бегу от Умберто лекарство, я даже не спросил его, что с ним делать!

— Хм. Ешьте одну пилюлю каждый раз во время приема пищи.

— То есть пять раз в день, — скорее произнес вслух, чем спросил Сан Саныч.

— Думаю, трех раз будет достаточно, — решительно отвечал я.

Весь вечер я мучился одним вопросом: останется жив Сан Саныч после первого приема «лекарства»? Пережив беспокойную ночь, утром, еще до выхода на работу, набрал мобильный Сан Саныча. Никогда раньше не думал я, что когда-нибудь буду так радоваться голосу своего начальника.

— Сан Саныч, как вы себя чувствуете?

— Отлично.

— Ну, как... вы начали принимать лекарство? — осторожно поинтересовался я.

— Да начал.

— И как? Как оно на вкус?

— Недурно. Напоминает чурчхелу.

— Простите, что?

— Чурчхелу. Сушеный виноградный сироп с орехами. Только вкуснее.

Прошла неделя... Первое время я внимательно приглядывался к Сан Санычу. Выглядел он бодро, день ото дня веселее. Всякий раз, когда я глядел на него, он заговорщицки подмигивал мне.

«Вот он, эффект плацебо, в действии, — подумалось мне. — Жрет в буквальном смысле дерьмо и верит в неизбежное исцеление. Дуралей!»

Пролетели выходные. В понедельник я, как обычно, сидел у себя. Писал что-то. Вдруг дверь отворилась, и в кабинет влетел, обрушив стоявшую у входа слева стопку книг, возбужденный Сан Саныч.

— Сидишь? — спросил.

— Сижу, — отвечал я.

— Дай я тебя поцелую, — и, не дожидаясь ответа, обнял меня за голову, приложившись губами где-то в районе левого уха.

— Что случилось?! — я вскочил с места, почуввав недоброе.

— Ты не представляешь, что ты для меня сделал, — не унимался Сан Саныч. Он передвигался по кабинету большими шагами, размахивая руками. — А я еще, дурак, думал, что ты ненавидишь меня, хочешь подсесть. Прости меня. Слышишь, прости, — он схватил мою руку и стал ее трясти.

— Да что случилось-то? — уже почти кричал я, растревоженный, недоумевающий.

— Как что?! — вскричал Сан Саныч. — Ты меня вылечил! Своим лекарством. Сахар стабильно пять с половиной. Сначала думал все благодаря уколам, а потом смотрю, и без уколов все нормализовалось. Врач в шоке: как, говорит, возможно такое? А я ему говорю: «Друг у меня есть, лекарство чудесное привез с Кубы. Вот без уколов теперь живу!» — он разве что не танцевал. — Спасибо тебе, дружище!

— Очень рад за вас, — сдержанно отвечал я, деликатно увернувшись от очередного поцелуя.

Весь остаток рабочего дня я размышлял, стоит ли сообщать маме о чудесном выздоровлении Сан Саныча. Пораскинул мозгами и решил ничего не говорить. Она у меня такая: все равно не поверит.